

На грани / рассказ

Category: Heкаýalar, Kitарсу

написано kitарсу | 24 января, 2025

На грани / рассказ НА ГРАНИ

(Я хотела бы попросить прощения у тех, кто пытался родить ребенка путем искусственного оплодотворения.)

Вместо вступления

Существует предположение, что генетически модифицированные и насыщенные химикатами продукты питания, которые предлагает большинство супермаркетов, негативно влияют на репродуктивную систему человека. Я не знаю, по этим или другим причинам, но бесплодие – проблема, широко распространенная. Тем не менее, есть множество клиник, которые специализируются на искусственном оплодотворении. Лечение довольно дорогое и длительное, и в большинстве случаев требуется несколько месяцев. Как цинично ни прозвучит, страховые компании относят бесплодие к *pre-existing condition* («предварительно существующее положение»), и отказываются его оплачивать. Правительство до сих пор не разработало четкую позицию по этому вопросу.

Сон № 1

Пространство без окон и дверей; в идеально равностороннюю комнату, где длина, ширина, и высота соответствуют друг другу, входит интервьюер.

Интервьюер: Веришь, что только оплодотворенный эмбрион в медицинской колбе или в утробе матери уже человек?

Я: Верю, что жизнь рождается при оплодотворении... Не имеет значения, как называть зародыш, клеткой или самым точным научным определением, облегчающим задачу. Это нам нужны термины и формулы, а не тем мерцающим точкам, которые в собственном существовании скрывают тайну, чьей частицей является каждый из нас.

Стремление

Ни для кого не важен эмбрион, если не родился. Его жизнь лишь в том случае станет достойной, если по ту сторону пространства, которое я называю «материнскими водами», она начнется не только с самостоятельного существования, но и со стремления к свободе. Да, предварительное условие для этого – появление зародыша, что означает успешное завершение физиологического цикла оплодотворения, который в моем случае невозможен и не воплощен...

Представьте себе мать, чей единственный ребенок умирает. Спустя какое-то время, когда первый шок проходит и скорбящая опустошена от жесточайшей боли, с большой вероятностью боль трансформируется, что ни в коей мере не значит, что боль умерла – человек любит жизнь... Теперь представьте другую женщину, которая мечтает иметь ребенка, но он не рождается ... Боль иногда тупа, иногда остра, но всегда постоянна... Это перманентная скорбь, растянутая во времени, на неопределенный период лишаящая необходимой жизненной энергии.

Но была и другая сторона. Я не раз прогуливалась по улицам, гордо выпячивая живот, и думала, что вся улица на меня смотрит; изменялась походка, как у беременной женщины, и руки поглаживали пустой живот, который вместо ребенка бурлил от газов. Тысячу раз представляла черты нашего, уже рожденного малыша: плавные линии, разрез глаз, форму губ, изгиб шеи, круглую попку, крошечные пальчики ... Или – спим мы вместе втроем, ребенок между мной и Томасом... В этой части интересно было то, что ребенок не имел пола. И я не могу вспомнить, думала ли когда-либо об имени, но часто воображала длинные воздушные кудри, одинаково подходящие девочке и мальчику...

Мышца воображения упражнялась иначе, например, в автомобиле. Сидя за рулем, я бы с ним разговаривала, или – в парке гуляли бы вместе, и если поблизости никого не было, переходили бы на громкий шепот.

В поисках выхода устремила взгляд на современную медицину и технологии начиная изучать вопрос в интернете, библиотеках, книжных магазинах. Вот что говорится в медицинской литературе

об искусственном оплодотворении, конкретно о invitro, (латинское «в сосуде»): тело женщины, которое получает большую дозу гормонов, производит множество яйцеклеток (в естественных условиях рождается одна яйцеклетка). Во время процедуры специальной иглой их извлекают из яичников и помещают в пробирку, где смешивают с наскоро подготовленным сперматозоидом (их собирать гораздо легче), и выращивают пробные зародыши, за которыми наблюдают какое-то время и проводят селекцию... Отобранные эмбрионы, в зависимости от желания матери – один, два, иногда и три (более двух не рекомендуется, поскольку это увеличивает риск их аномального развития), размещаются в утробе матери. Они прикрепляются к стенкам матки и начинают расти...

Чем больше я думала об этом, тем больше смешивались друг с другом сон и явь. В моем сознании сталкивались друг с другом яйцеклетки и яичные белки, разбиваясь всмятку, сперма и желтки, стеклянные сосуды, замороженные в стеклянных сосудах и современных суперхолодильниках эмбрионы, выстроившиеся в ожидании жизни, непригодные эмбрионы, которым судьями в белых халатах отказано в основном праве – на жизнь, и выброшенные на свалку в мусорном ведре.

Сон № 2

Пространство без окон и дверей; в идеально равностороннюю комнату, где длина, ширина, и высота соответствуют друг другу, входит интервьюер.

Интервьюер: Это было твое решение – отказаться от искусственного оплодотворения, или Томас сделал такой выбор?

Я: Сначала, когда исчезла надежда забеременеть естественным путем, я подумала непосредственно об искусственном оплодотворении. Часто на эту тему шли жаркие споры. Мое желание – попробовать искусственное оплодотворение – основывалось на таких эмоциях, которые доходили до сильной физической боли... Я попробую написать об этом, но насколько получится, не знаю...

Трансформация

Наверно, мне не хватило бы смелости или верности гуманным идеям, если бы не Томас, который по религиозным соображениям – да, из-за веры, – и слова не хотел слышать об искусственном оплодотворении. Я была поражена его бескомпромиссностью по отношению к общечеловеческим ценностям. Он твердо верил, что искусственное оплодотворение, в частности селекция в результате *in vitro* созданных зародышей и уничтожение слабых эмбрионов, аморально.

Теперь, по прошествии некоторого времени, когда я вышла из кошмара и неудержимого желания – рождения «своего» и только «собственного» ребенка, – на преодоление которого израсходовалась значительная часть моей внутренней энергии, я постараюсь рассказать, как трансформировалось мое стремление.

Я так была одержима желанием иметь ребенка, что отбрасывала моральную сторону «эксперимента», всем существом уверяя себя, что только что скрещенные эмбрионы – всего лишь какие-то неопределенные клетки (вероятно, так успокаивает себя женщина, которая делает аборт), что жизнь начнется через определенное время после скрещивания яйцеклетки со сперматозоидом, что человеческое вмешательство в процесс селекции сильных и слабых эмбрионов и отбрасывание слабых, или хотя бы замораживание в холодильнике оставшихся и неиспользованных «сильных и здоровых» эмбрионов для того, чтобы осчастливить бесплодные пары, есть прямой гуманный акт... Вот почему я понимаю тех людей, которые никогда не ставят под сомнение это достижение науки, потому что оно приносит жизнь и радость бесплодным семьям.

Но где проходит та грань, переступить которую нельзя, когда затрагивается такая святыня, как зарождение жизни? Проповедник, скажете мне. Будто я не мечтала о зачатом в пробирке ребенке, будто я отказывалась от непригодных зародышей, плохих, выброшенных в мусор, будто в кузове мусорной машины не замечала среди мусора высунутые их беспомощные ручки и обломанные крохотные пальчики... Знаю, читаете и удивляетесь – ведь так естественно желание иметь собственного ребенка, и я так думала и себя уверяла, что эти подопытные эмбрионы, размером гораздо меньше ногтя на мизинце,

существа неизвестной формы, вовсе не являются духовными, и это я повторяла Томасу, размахивая руками взад и вперед от напора пронесившихся чувств. Я через себя, как сквозь огонь, пропускала эти чувства, которые сгорали при высокой температуре, и разрывалась на части. Я бы сделала все, чтобы того одного оставшегося в живых обнять, прижать к груди, или прильнуть щекою к щеке, укачивать, петь колыбельную, и текли бы слезы любви...

...Но это только слова, за которыми стоит Его Величество Время с широко раскрытыми объятиями... Зарождение жизни – таинственный процесс, во время которого один-единственный хвостатый сперматозоид отправляется за тридевять земель, прежде чем достигнуть матки, затем путь пролегает к фаллопиевым трубам, чтобы потом добраться до одной-единственной яйцеклетки, находящейся за семью замками, в которую нужно войти и оплодотворить – это не миф и не сказка, – но реальность, которая бьется в каждом из нас. Если я вовлечена в процесс, когда человек-агент, в данном случае – врач с определенными знаниями, выбирает, какой новоскрещенный эмбрион выкинуть на помойку, а какой заморозить и дать шанс жизни, я прямо или косвенно становлюсь соучастником исполнения функций Бога, предоставляя право моему агенту принять решение. Это одновременно своего рода бунт, даже – микрореволюция против Бога, когда говоришь: «Не даешь мне, нет? Вот, смотри, что я сотворила!»

С одной стороны были эмоции, с другой – рассуждение, которое первоначально существовало в форме вопросов, некоторые из них остались до сих пор. До какого предела разрешено экспериментировать с жизнью? Где проходит грань между чрезмерной жадой иметь ребенка и этим странным экспериментом, который называют *in vitro*? Все ли позволено, что хотим? Почему Бог выбрал меня? Какой смысл в этих страданиях? Какое решение мне надо принять?

Не могу объяснить, как отказалась от такого таинственного и значимого достижения современности, как искусственное оплодотворение. Процесс трансформации можно описать более метафорически: огромный сосуд медленно, через длинные

интервалы времени, заполняется каплями воды из крана, к которому прикоснулся некто одушевленный... Идея создания человека с помощью ЭКО у меня уже вызвала раздражение...

Сон № 3

Пространство без окон и дверей; в идеально равностороннюю комнату, где длина, ширина, и высота соответствуют друг другу, входит интервьюер.

Интервьюер: Можно сказать, что на этом этапе ты раздвоена? Если да, то как долго длилась раздвоенность?

Я: Да, я раздвоена, раздвоена ... Мое отношение ко времени субъективно. Как долго длилась? Отвечу: месяц или год – все равно кажется, будет больше. Наверное, так долго, что и сегодня чувствую горький вкус – подобно змее, одна половина которой во вчерашнем дне, а другая – в сегодняшнем, иногда голова появляется, иногда – хвост, а порою целиком спрятаны, но это не значит, что она исчезла.

Выход

Поиск решения для меня стал жизненно важным процессом. После отказа от *in vitro* я была охвачена желанием найти биологическую мать, чье тело временно бы наняла для функции оплодотворения, биологическая мать, которая только косвенно войдет в нашу жизнь в период оплодотворения и беременности, и эта замечательная временная (или постоянная) тройка не только неотяжелит мой и без того тяжелый эмоциональный фон, но заполнит пустоту, существовавшую внутри меня. Это «внутри» вовсе не было связано ни с яичниками, ни с маткой, ни с фаллопиевыми трубами... В сознании разыгрывались тысячи разных комбинаций, пока нашлась бы биологическая мать. Установила и сформулировала критерии для выбора биологической матери, вопросы, которые должна задать, форму взаимоотношений, которую нужно найти, чтоб и свободы слишком много не было дано (по крайней мере, в треугольнике), и в то же время чтобы она не ощущала, что нужна только для пробного эксперимента. Надо было найти тонкую и гибкую дистанцию, которую по необходимости

можно уменьшать или увеличивать. Я строила планы, что если она будет жить с нами, вместе с ней разделю повседневную рутину и радость, являясь «соучастницей» процесса беременности, и всецело буду заботиться о ней в спокойной и приятной обстановке.

Какое-то время я думала, что русская мать и генетический ребенок Томаса станут лучшим «рецептом», потому что, по общераспространенному мнению, «смешанная» генетика благоприятна для плода, – ребенок выйдет красивым и талантливым. После ознакомления с законами я узнала, что такого рода способ найти мать законодательствами двух стран запрещен. Поэтому я задумалась о других комбинациях и начала искать наилучшие предлоги. Одним из них была рабочая виза, которую будет трудно получить из-за сегодняшнего экономического спада, как я узнала позже, количество рабочих виз значительно сократили. Второй – гостевая виза, на которую консульский отдел редко давал согласие. Поэтому возможность привезти мать из России и потом оплодотворить ее в соответствии с планом была исключена...

Понимаю гнев законодателей, если они прочтут эти мысли. Я бы им сказала, что их возмущение – капля по сравнению с той болью, которую испытывает женщина, страстно желающая иметь ребенка от любимого мужчины, всей душой и сердцем готовая к материнству, на протяжении многих лет ожидающая, что в один прекрасный день не начнется эта проклятая менструация, и как только этот день пройдет, ноги в руки – и бежать в ближайшую аптеку, покупать тест и делать анализ мочи...

Я была занята планами найти биологическую мать, когда в один прекрасный день объявила Томасу, что разработала ряд сценариев. Мою презентацию Томас слушал тихо и внимательно, а когда монолог закончился, произнес несколько коротких и всеобъемлющих фраз, что для него с самого начала была неприемлема идея зачатия ребенка таким способом, так же он не потерпит никаких «третьих», «прямых» или «косвенных» (используемые мной термины) вторжений в нашу жизнь.

Меня словно окатили ледяной водой, руки и ноги окаменели, пропал дар речи. Я не смогла произнести ни звука. Одновременно

исчез образ длинноволосой биологической матери, которая была на протяжении долгого времени моей неотъемлемой частью. Почему длинноволосая, толком не могу объяснить, у меня есть только одно мнение на этот счет, что очень давно, вероятно с детства, уже не ношу длинные волосы, несмотря на то что мне нравится ... Волосы – как символ, своего рода метафора здорового воспроизводства ... Исчез младенец, которого подарила бы длинноволосая биологическая мать, и чьим биологическим отцом был бы Томас... Исчезло лицо, крохотное утонченное тельце и мягкие линии, исчезли изгибы подбородка, шеи, коленок, исчезла маленькая попка и вспученные животики, исчезли исходящие из глаз теплые волны света, исчез младенческий голос, который лепетал ни о чем и обо всем...

Периодически я достигала такого состояния, когда боль, казалось, выходила из меня и словно застревала передо мной как второй человек. Но если подумать: в самом деле, так много беспризорных детей на земле. А те, кто не имеют детей, их тоже немало, они могли бы взять этих детей и вырастить, разве не станет менее тяжелона земле? И потом представьте, как эти бедные дети скучают по матери, и думаешь, почему так много несправедливости в этом мире... Затем опять начинаешь поиск решений, потому что веришь – решение есть всегда, иногда – трудное, иногда – очень трудное...

Снова наводишь порядок в голове, чтобы строить планы, которые в один прекрасный день на улице N. города N. приведут тебя с Томасом в детский дом.

P.S. Интервьюер во сне больше не появился. Неужели закончились страдания?

Перевод Инны Кулишовой. Heкаýalar